

На правах рукописи

КАРЕЛОВА Ирина Игоревна

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА
И ИДИОКОНЦЕПТОСФЕРА
(на материале произведений Л. Е. Улицкой)**

10.02.19 — теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кубанский государственный технологический университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор
Сергей Григорьевич Воркачев.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Юрий Викторович Федосов (Волгоградский государственный педагогический университет);

кандидат филологических наук, доцент
Лариса Федоровна Белякова (Волгоградский государственный технический университет).

Ведущая организация — Волгоградский государственный университет.

Защита состоится 18 июня 2009 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещён на официальном сайте Волгоградского государственного педагогического университета: <http://www.vspu.ru> 18 мая 2009 г.

Автореферат разослан 18 мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н. Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная диссертация выполнена в русле когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвоконцептологии и художественной семантики, что предполагает изучение лингвистической адекватности когнитивных построений художественного текста во взаимосвязи языка и культуры, языка и художественного мышления. Объектом исследования является концептосфера произведений Л. Улицкой, которая рассматривается как индивидуально-авторская концепция мира, в качестве предмета изучения выступают когнитивные элементы, репрезентирующиеся в лексических единицах, — концептуальные структуры, находящие отражение в языке художественного текста.

Актуальность работы обусловлена следующим: 1) лингвистическая концептология является одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания, вместе с тем многие вопросы этой области остаются дискуссионными, что касается, в частности, определения базовых понятий данной области знания (в том числе «художественный концепт»), соотношения когнитивного и аксиологического подходов к моделированию концептов, соотношения национальной концептосферы и идиоконцептосферы; 2) важностью изучения ментальных конструкций человека через языковые репрезентации; 3) необходимостью изучения художественной концептуализации, вытекающей из мыслительного процесса особого типа — художественного мышления, которому в парадигме исследований современной лингвоконцептологии, как представляется, не уделяется достаточного внимания.

В основу выполненной работы положены следующие гипотезы:

1) концепты индивидуально-авторской концептосферы включают, наряду с концептуальными элементами национальной культуры (национально-культурные когнитивные элементы, традиционные метафоры, символы, эмблемы, мифологемы, другие культурные смыслы и ассоциативные связи), инокультурные элементы;

2) в идиоконцептосфере по содержанию и объему преобладают концептуальные элементы, лежащие в рамках индивидуально-авторской концепции мира (идиокультурные когнитивные элементы, мономифы, символы, метафоры, художественные сравнения, метафорические коннотации, оригинальные ассоциации и др.).

Целью исследования является установление соотношения национальной концептосферы и художественной идиоконцептосферы произведений Л. Улицкой, в частности соотношения объема и содержания концептов «семья», «мать», «смерть». Исследование проводится на лексико-системном, когнитивном и композиционно-тематическом уровнях текста, т. к. концептуальная структура художественного текста эксплицируется именно на этих уровнях. Для выполнения данной цели решаются следующие задачи:

– рассмотреть в теоретическом аспекте процесс направленной концептуализации художественного текста и вопрос о специфических средствах концептуализации художественного текста (мифотворчество, символизация, озаглавливание и др.);

– сформулировать определение понятия художественного концепта, оптимальное для исследования концептосферы художественного текста, определить концептуальные элементы художественного текста;

– выделить предтекстовые пресуппозиции, важные для формирования концептуального пространства текста;

– выявить специфические средства концептуализации текста в идиоконцептосфере Л. Улицкой, определить базовые концепты идиоконцептосферы Л. Улицкой посредством анализа частот словоупотреблений;

– провести психолингвистический эксперимент по выявлению ассоциативных реакций на исследуемые слова-концепты;

– дать описание базовых художественных концептов идиоконцептосферы Л. Улицкой на фоне национальной концептосферы;

– провести моделирование индивидуально-авторской концептосферы Л. Улицкой.

Материалом исследования явились данные сплошной выборки из текстов произведений Л. Улицкой «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Сонечка». В качестве единицы исследования рассматривается текстовый фрагмент, в котором имеет место репрезентация исследуемых художественных концептов. Общее число проанализированных фрагментов — более 500 единиц, в том числе объемные текстовые фрагменты (тексты в тексте) — мономифы, метафорические описания и др. Также материалом исследования послужили собранные в результате психолингвистического эксперимента тест-анкеты (порядка 200), принадлежащие респондентам различных возрастных групп и социальных статусов: от 15 до 78 лет (школьник, студент, служащий (инженер, врач,

учитель, строитель), домохозяйка, руководитель, предприниматель, пенсионер).

В работе использовались следующие методы исследования: биографический, метод психолингвистического эксперимента, методы дистрибутивного анализа, частотного анализа текста, контекстуального анализа, анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, концептуального анализа, моделирования.

Методологической основой диссертации послужили труды отечественных и зарубежных авторов в области лингвоконцептологии — когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Н. С. Болотнева, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др.) и лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, М. К. Головановская, В. А. Звегинцев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, Л. О. Чернейко и др.), а также художественной семантики (Л. Г. Бабенко, М. М. Бахтин, Л. Бугаева, А. Н. Веселовский, И. Р. Гальперин, М. Я. Поляков, Г. Г. Печцов, М. Проскуряков, В. Н. Топоров и др.).

Научная новизна работы заключается в том, что в данной работе:

– впервые дается описание художественной концептосферы произведений современного автора Л. Улицкой как результата художественного мышления в лингвоконцептологическом и лингвокультурологическом аспектах;

– впервые рассматривается мономиф как специфический способ художественной концептуализации;

– разработана и применена комплексная методика концептуального анализа художественного текста с учетом специфики художественной концептуализации.

Теоретическая значимость представленного исследования заключается в дальнейшей разработке концептуального направления лингвистики применительно к языку современной художественной литературы. В работе разрабатывается комплексная методика изучения концептосферы художественного текста, позволяющая максимально широко охватить круг когнитивных элементов и наиболее полно выявить стоящие за ними семантические сущности. Предлагаемая методика создает предпосылки для дальнейшего развития подходов к изучению концептуальной струк-

туры художественного текста. Теоретическая ценность исследования состоит также в том, что его положения и результаты могут способствовать дальнейшей разработке когнитивных основ творческого мышления, взаимодействия языка и культуры, а также дальнейшему и углубленному изучению этнокультурной специфики современной русской картины мира.

Практическая значимость работы заключается в получении новых сведений о процессе и структурированном результате художественного мышления — конкретной концептосфере художественных произведений современного автора — Л. Улицкой, что может быть использовано в лексикографической, литературоведческой и педагогической практике. Кроме того, представленный материал и результаты анализа могут быть использованы в лекционных курсах по филологии, культурологии, спецкурсах по когнитивной лингвистике и концептологии.

Работа основывается на следующих положениях, доказанных в лингвистической литературе:

1. В каждом языке специфически преломляется опыт народа; значения языковых единиц оказывают влияние на мировосприятие и поведение людей — носителей той или иной лингвокультуры; единицей лингвокультуры является концепт (Е. В. Бабаева, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. фон Гумбольдт, Т. В. Евсюкова, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, В. В. Красных, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов и др.).

2. Изучение ассоциативных характеристик слов позволяет выявить скрытые смыслы концептов, не находящие прямого выражения в словарных дефинициях (Е. И. Горошко, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Н. В. Крушевский, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, G. R. Kiss, M. Lykke Nielsen, P. Reisner).

3. Единицей лингвокультуры является концепт — сложное ментальное образование, в составе которого выделяются понятийная, образная и значимостная составляющие; концепт детерминирован культурой, является фактом индивидуального и коллективного сознания и опредмечен в языке (Е. В. Бабаева, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Д. С. Лихачев, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Творческое мышление предполагает особый тип концептуализации — эстетическую концептуализацию мира: направленный процесс порождения смысла от автора через идею (авторскую концепцию, замысел) к читателю (адресату), имеющий свою специфику, которая проявляется в особых средствах концептуа-

лизации, таких как художественное мифотворчество, символика, эмблематика, озаглавливание и др.

2. Образная составляющая концепта может перерасти в мономиф — специфическую когнитивную конструкцию в концептуальном пространстве художественного текста. Мономиф — форма художественного истолкования действительности посредством чувственно-наглядных образов, воспринимаемых в контексте художественной индивидуально-авторской концепции как самостоятельные явления реальности.

3. Базовыми концептами индивидуально-авторской концептосферы Л. Улицкой являются концепты «мать», «семья», «смерть».

4. Специфическими средствами концептуализации в творчестве Л. Улицкой являются художественное мифотворчество, символика, эмблематика и озаглавливание.

5. Индивидуально-авторская концептосфера Л. Улицкой включает наряду с концептуальными элементами национальной русской культуры инокультурные элементы, а также религиозные мотивы и символы; в идиоконцептосфере Л. Улицкой по содержанию и объему преобладают концептуальные элементы, лежащие в рамках индивидуально-авторской концепции мира.

Апробация. Основные теоретические положения и результаты исследования были обсуждены на расширенном заседании кафедры научно-технического перевода КубГТУ, изложены в виде доклада на научно-практических конференциях (Камышин, Анапа, Краснодар, 2006—2008 гг.), межрегиональном научном семинаре (Армавир, 2008 г.). Основные положения исследования отражены в 7 опубликованных работах.

Структура работы определена ее исследовательскими задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Общий объем диссертаций составляет 237 страниц. Библиографический список включает 198 наименований, в том числе 12 лексикографических источников и 3 источника языкового материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрываются объект и предмет исследования, обосновываются его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, характеризуются материал и методы исследования, излагаются основные положения, доказан-

ные в лингвистической литературе и являющиеся теоретической базой выполненной работы, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации и структуре диссертации.

В первой главе «**Концептосфера художественного текста и национальная концептосфера**» изложен теоретический материал, содержащий базовую информацию исследования: раскрыты и определены понятия художественного текста, художественного мышления, идиохудожественной концепции мира и национальной концептосферы, найдено их соотношение. Также в теоретическом аспекте изучен процесс направленной концептуализации художественного текста как результат художественного мышления; рассмотрен вопрос о специфических средствах концептуализации художественного текста (мифотворчество, символизация, метафоризация, озаглавливание и др.) и о языке художественного произведения как особом способе порождения художественной мысли; проведены обзор и анализ теоретической литературы по лингвокогнитологическому и лингвокультурологическому пониманию термина «концепт», разработано понятие художественного концепта, определены концептуальные элементы художественного текста, обозначены основные методы исследования концептов, разработана методика анализа концептосферы художественного текста.

В национальной концептосфере находят отражение национальный менталитет, состояние культуры и науки нации в целом. Язык включен в концептосферу культуры, неотделим от нее (А. Вежицкая, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов и др.). Произведения культуры, особенно словесные, обогащают и расширяют концептуальное пространство развитого национального языка. Индивидуально-авторская картина мира формируется на двух уровнях: концептуальном и индивидуально-речевом. Ведущим является концептуальный уровень, т. к. своеобразие поэтической картины мира заключается не столько в языковых формах, сколько в избирательности видения мира художником. Художественный текст, текст как произведение искусства — моделирующее образование: он не только отражает, но и творит свою реальность, создает некоторый возможный мир.

В литературно-художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира. Каждое литературное произведе-

дение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, т. е. частный вариант концептуализации мира. Выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире являются системой представлений, направленных адресату. В этой системе наряду с универсальными общечеловеческими знаниями существуют уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора. Таким образом, концептуализация мира в художественном тексте, с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, а с другой — индивидуальные, даже уникальные, воображаемые идеи. Индивидуально-авторская концепция мира базируется на концептосфере определенной культуры в целом, но может содержать наряду с элементами, маркированными родной культурой, инокультурные либо созданные в рамках искусственной оригинальной индивидуально-авторской концепции мира.

В отличие от спонтанной ненаправленной концептуализации наивной картины мира, концептуализация художественного текста (эстетическая концептуализация) — это направленный процесс порождения смысла от автора через идею (авторскую концепцию, замысел) к читателю.

Индивидуально-авторская концепция мира составляет вершину иерархии семантических компонентов содержания текста, ибо любое произведение представляет собой субъективный образ объективного мира действительности. Концептуальное пространство текста лежит в рамках семантического поля, репрезентируясь в поле знаков большим количеством единиц, разных по структуре. В концептосфере художественных произведений все фрагменты, формирующие ее, в разной степени лексически разработаны и концептуально значимы, и эстетически важной в ней может являться та или иная зона. Структура концептосферы художественного текста, иерархия и взаимосвязь составляющих ее элементов, в том числе концептов, выявляются путем концептуального анализа.

Концепт художественного текста (индивидуально-личностный) отличается от лингвокультурного (совокупно-личностного) содержанием и объемом понятия. Это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений, возникающий на основе художественной ассоциативности; глубокий смысл, изначально максимально свернутый в смысловую структуру, глобальное лингвоментальное и лингвокультурное

образование, организующее интеллектуальное и эмоциональное пространство личности поэта или писателя. Художественные концепты, находясь в отношениях взаимообусловленности, составляют в совокупности индивидуально-авторскую картину мира — концептосферу произведения.

Как представляется, оптимальным для полноты концептуального анализа художественного текста будет понимание концепта как многомерной интегрирующей эвристической категории, существующей в рамках индивидуально-авторской концепции мира, и выделение в его составе трех составляющих: понятийной, отражающей его признаковую и дефиниционную структуру, образной, фиксирующей когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостной — определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного текста или языка в общем, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени.

Определяющим в семантике художественного концепта является ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций либо прецедентных связей. Воплощая концепт в слове, образная составляющая в ходе становления концепта может «сублимироваться» до символа. Символ — образ, выражающий смысл какого-либо явления в предметной форме. В свою очередь, символ может перерасти в мономиф (термин Дж. Кемпбелла) как специфический элемент художественной концептосферы. Мономиф — когнитивная конструкция в концептуальном пространстве художественного текста, форма художественного истолкования действительности посредством чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности. В отличие от мифа как явления массовой культуры, мономиф рефлексивен, совмещает рационально-критический подход с эмоционально-ассоциативным созвучием и творческим видением. Мономиф рождается на основе мифа посредством такого свойства текстов культуры, как интертекстуальность. Мономиф как когнитивный конструкт текста можно отнести как к образной составляющей художественного концепта, так и к коммуникативно значимой информации, заключающейся в тексте, к ее прагматической части. Вся коммуникативно значимая информация — внутрисистемная, прагматическая и этимологическая — составляет значимостный компонент художественного концепта.

Концептуальная структура текста эксплицируется на лексическом, лексико-фразеологическом и композиционно-тематическом уровнях текста. При этом когнитивный, тезаурусный уровень в структуре языковой личности обнаруживается в тематизации текста, в обозначении определенных предметных областей как фрагментов опыта, хранимых в долговременной памяти и актуализируемых в речевом акте с опорой на ключевые слова текста.

Во второй главе «Мономиф как прецедентная пресуппозиция авторской идиоконцептосферы Л. Е. Улицкой» определены предтекстовые пресуппозиции, важные для формирования концептуального пространства текста (неомифологизм в «новой женской прозе», тематика текста), выявлены и описаны специфические средства концептуализации текста в идиоконцептосфере Л. Улицкой (эпиграф и заглавие, мономиф о Медее, символика, мономиф «Сны Елены»).

Произведения Л. Улицкой созданы в рамках «новой женской прозы» — прозы, написанной женщиной и направленной на осмысление и преодоление комплекса проблем, связанных с женщиной и женским, в контексте существования альтернативной феминной культуры. Эта литературная традиция характеризуется метафоричностью и неомифологическим сознанием.

В работе проводится подробное исследование индивидуально-авторской концептосферы Л. Улицкой на материале трех ее центральных произведений: повести «Сонечка», романов «Медея и ее дети» и «Казус Кукоцкого». Специфическими средствами концептуализации текста в идиоконцептосфере Л. Улицкой являются эпиграф, заглавие, мономиф о Медее, символика, мономиф «Сны Елены». В романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» мифологизм становится инструментом, при помощи которого структурируется повествование. Миф здесь — средство концептуализации мира и того, что находится вокруг человека и в нем самом. Мономиф о Медее представляет собой астереотипизированную древнегреческую мифологему. Процесс астереотипизации данной мифологемы в мировой культуре прошел несколько этапов: от древнегреческого эпоса и драматургии Еврипида через популярные статьи ученых XX в. В. В. и Л. В. Успенских к кинорежиссерским фантазиям Пазолини и прочтению современных театральных драматургов. Медея — символ матери-прародительницы, вокруг которого бытует миф. В рамках мифологической струк-

туры романа лежит сложная система географической, этнической и числовой символики, которая в совокупности составляет слово-символ «дети», вынесенное в заглавие произведения и находящееся в тесной идейной связи с образом Медеи. Так как жизнь Медеи вращается вокруг ее дома и семьи, то можно говорить о значимости концепта «семья» для понимания всей сложности индивидуально-авторской концепции мира Л. Улицкой.

В романе «Казус Кукоцкого» мономиф «Сны Елены» представляет собой текст в тексте, связанный с главным повествованием ассоциативно. Здесь в чувственно-наглядных образах показана «другая» действительность со своими реалиями. Логическими ключами к «другой» реальности являются сны Елены и главы, носящие названия «Первая тетрадь Елены» и «Вторая тетрадь Елены». Здесь впервые возникает противопоставление внутреннего мира человека и внешнего мира, мотив смещения сна и реальности, мотив выпадения из реальности, перехода между жизнью и смертью, символика смерти и символ «третьего состояния» — «среднего мира», символ «Великая вода» и др. Несомненна связь этих символов с базовыми концептами идиоконцептосферы Л. Улицкой «смерть» и «мать». Основное повествование мономифа разворачивается во второй части романа. Здесь полностью стирается грань естественного и сверхъестественного, объективного и субъективного. Причинно-следственные связи подменяются связью по аналогии и причудливыми ассоциациями.

В третьей главе «Базовые концепты авторской идиоконцептосферы Л. Е. Улицкой» определены базовые концепты авторской идиоконцептосферы Л. Улицкой посредством анализа частот словоупотреблений, проведены психолингвистический эксперимент по выявлению ассоциативных реакций на исследуемые слова-концепты, дано моделирование структуры концептосферы, описание базовых художественных концептов на фоне национальной концептосферы.

В результате анализа частот словоупотреблений в текстах Л. Улицкой подтвердилось предположение, основанное на изучении композиционно-тематического и когнитивного уровней текста, о придании концептам «семья» (2375 словоупотреблений), «мать» (831), «смерть» (190) статуса базовых концептов текста.

Выявлены понятийная, образная и значимостная составляющие базовых концептов «мать», «семья» и «смерть» в авторской идиоконцептосфере Л. Улицкой. На всех исследуемых уровнях

текста пайдены и описаны репрезентации каждого из концептов. Длина проанализированного текста составляет порядка 200 000 словоупотреблений.

Второй параграф главы посвящен концепту «мать». Компонентный анализ словарных дефиниций, проведенный на материале толковых и этимологических словарей русского языка, анализ результатов научных исследований концепта «мать» в русском языковом сознании, количественный анализ данных, полученных в результате ассоциативного психолингвистического эксперимента русскоязычных респондентов, позволили выявить дистинктивные и национально-культурные признаки понятия «мать», входящие в обобщенное представление русского человека о матери. В результате когнитивной интерпретации языковых единиц, объективирующих исследуемый концепт в текстах Л. Улицкой, определена признаковая и дефиниционная структура концепта «мать» в индивидуально-авторской концептосфере: 6 дистинктивных признаков (свойство матери порождать жизнь, оставляя генетический след в детях: «Материнский медный оттенок проявлялся так или иначе у всех» и др.); 6 национально-культурных (жизненно необходимая духовная, физическая и материальная связь матери с ребенком: «Василиса...просыпалась первое время по ночам каждые десять минут, как кормящая мать, которой все чудится, что ребенок заплакал» и др.); 17 идиокультурных (божественное начало материнской миссии на земле: «в том была заслуга второй его жены, которая по обету дошла до Киева, а родив и выкормив сына, до смерти держала благодарственный пост»; мать как хранительница семейных традиций: «Он делал это точно так же, как Медея и как его мать Елена, — наука была общая, турецкая» и др.).

Образная составляющая концепта «мать» включает следующие когнитивные элементы: образ-символ Медеи Синопли, в основе которого лежит мифологема «Медея», астереотипизированный мономиф о Мее, образ-символ «дети», мифологическую символику, метафорические коипотации заглавия романа «Медея и ее дети», рассмотренные в первом пункте второго параграфа, а также метафоры, связанные с понятием матери: женская деятельность как мера времени («Господин Степанян... с доброжелательной улыбкой наблюдал за праздничной женской работой, любовался, как мелькали...женские руки») и как мера пространства («неудобная лестница-трошка, как будто приноровленная к

шагу женщины, несущей на голове кувшин»); идея божественности материнской миссии на земле, нашедшая воплощение в мистико-религиозном образе ангелов, охраняющих вечный сон многодетной матери Матильды; художественное сравнение, которое ассоциируется с традиционно-народным представлением («Георгий любил их, как можно любить лицо матери или тело жены, — наизусть, с закрытыми глазами, навсегда»).

Значимостная составляющая концепта «мать» несет в себе внутрисистемную и прагматическую информацию. Наиболее часто (в 77 контекстах) концепт «мать» употребляется как субъект действия, при этом действие субъекта-матери имеет отношение к объекту-ребенку, семье или предметам семейного быта. Практически во всех контекстах лексема «мать» обнаруживает семантическую связь с лексемой «ребенок».

Вербализуются также слова, входящие в концепт «мать», включающие дополнительные семантические и стилистические элементы: слова, относящиеся к официально-деловой лексике (материнство и детство, матери-одиночки), православной лексике (матушка, мать Божья); бранное выражение («Пусть все идут к ... матери!») и фразеологизм «от чрева матери». Традиционным синонимом является «мама». Также «мама» употребляется как элемент прозвища «мама Зина», которое принадлежит персонажу Зинаиде — «маме для всех» (находит подтверждение идиокультурный признак — способность матери оказывать материнскую заботу неродным людям). Стилистически окрашенными вариантами употребления слова являются просторечное «мамка», профессиональное (мед.) фамильярное «мамочка», эмоционально окрашенное — просторечное и пренебрежительное «мамаша», уменьшительно-ласкательное «мамочка». Оказиональным синонимом слова «мать» при наличии атрибутивного признака «молодая» является «девочка». Созвучно с русской культурой слово-концепт «мать» антонимично слову «мачеха». Из словообразовательной парадигмы слова «мать» наиболее часто встречается доминанта «мать» — имя существительное, реализующееся 108 раз.

Третий параграф посвящен концепту «семья». Выявлены дистинктивные (предметные) и национально-культурные признаки понятия «семья», входящие в обобщенное представление русского человека о семье. В результате когнитивной интерпретации языковых единиц, объективирующих исследуемый концепт в текстах Л. Улицкой, была определена признаковая и дефиницион-

ная структура концепта «семья» в индивидуально-авторской концептосфере. Выделено 5 дистинктивных признака: единый субъект, живущий и функционирующий как одно целое, занимающий свое место в пространстве: *...семья, поселившаяся в незапамятные времена на родственных Элладе Таврических берегах*; активный одухотворенный субъект, способный чувствовать, переносить невзгоды и радости бытия, участвовать в общении с отдельными людьми и коллективами: *Их пригласила Елена, зная, как тяжело живет семья*; группа людей, состоящая из членов семьи — близких родственников: *...в дом Синопли приехало неожиданно семейство Степанян в полном составе*; семья пополняется новыми членами путем рождения потомства: *...семья... производила сильное и многочисленное потомство*; выделяется мужская/женская половины семьи: *Женщины его семьи все более выходили из строя*; может состоять всего из двух членов семьи — супругов: *«...нет ли у вас...возможности связаться с моей семьей, с женой»*; в зависимости от количества членов семьи может быть большой либо маленькой: *Василиса осталась в большой семье*; семья как социальный статус (сословие, профессия, вероисповедание, происхождение человека): *Помощница его...происходила из богатейшей купеческой семьи*; три национально-культурных признака: выделение главы семьи, мужчины: *Гавриил, единственный в семье мужчина, действительно подпирал весь дом*; эмоции и чувства, отношения между членами семьи — основа, на которой базируется душевное благополучие семьи: *Все семейное счастье, легкое, ненагруженное, их избранность и близость, безграничность доверия, — все рухнуло в один миг*; семья требует ответственности за физическое и душевное благополучие семьи, усилий от ее членов, исполнения обязанностей: *«Я...мало семьей занимался», ...она будет сладкой ношей для его не утружденных семьей плеч и др.*; 11 идиокультурных признаков: семья — отдельный, не зависимый от внешнего, свой мир, который имеет свой распорядок жизни (жизнеустройство), свои привычки, правила, обычаи, традиции, тайны, свою историю, законы, веру, миропонимание: *...в нашей семье принято было по бедности и по семейной традиции склеивать чашки, чинить поломанные вещи, штопать, латать и пальто, и кастрюли*; семью объединяет «общая кровь»: *Гравюрный портрет...свидетельствует о силе этой крови, проводящей вдоль времени семейные черты*; устройство семьи может отличаться от идеализированной модели «муж — жена — дети»: *Таня назначила Виталика*

отглагольным прилагательным, будущего ребенка полуплемянником, а их брак — Тройственным Союзом; в семье заключается физический и интеллектуальный потенциал, развивающийся от родоначальников к потомству: Двадцать второй год — высылка профессуры... Лучшие из лучших! И с семьями! Интеллектуальный потенциал; семья как площадка для наблюдений, по результатам которых складывается модель мира или отдельных его явлений (члена семьи): «Таким же точно образом стимулируются и процессы высшей нервной деятельности», — размышлял Павел Алексеевич, наблюдая за взрослыми девочками в собственной семье; взгляды и стремления члена семьи и его окружения — самой семьи — не всегда совпадают: ...это была она, его главная пациентка, ради которой он сражался с медицинскими чиновниками, ... даже со своей семьей; время семьи исчисляется веками: ...семья осела в Сибири и более двухсот лет, принимая всяческие гонения, упорствовала в своей вере; членами семьи являются также люди, не связанные родственными узами: Василиса, хоть и была членом семьи, но в геометрии семейного треугольника была членом вспомогательным; семья пополняется новыми членами также посредством вхождения в нее новых людей, не родственников: Два случайно совпавшие события — семейная ссора и приход в дом Томи...; выделение главы семьи, при этом главой семьи может быть не только мужчина, но и женщина: С этого времени и жила Василиса в семье Евгении Федоровны; уязвима извне, со стороны внешних врагов и государства: ...они защищали свои семьи от прежних, довоенных страхов и др.

Понятие семьи неотделимо от символа дома и «общей крови», которые входят в образную составляющую концепта «семья». Семья в идиоконцептосфере Л. Улицкой — символ единства человечества, «общей крови» всех людей: Медя выполняет функцию материнства по отношению ко всей своей родне, не будучи их биологической матерью. Дети Медеи (русские, литовцы, грузины, корейцы, евреи, армяне и др.) символизируют все человечество. Медя (мать) как центр семейного мира — символ ее прочности, вечности: ...жизнь...придала в конце концов Медее прочность дерева, вpletшего корни в каменистую почву. Образ Медеи соединяет в себе нити прошлого, настоящего и будущего: И ей нисколько не трудно было держать в себе всю эту тьму народа, живого и мертвого... Дом Медеи приобретает в этом контексте особое символическое значение. Он является тем «неподвижным

центром, вокруг которого происходит движение миров, звезд, облаков и овечьих отар», — свособразный аналог пупа земли. Как мифопоэтический символ пуп земли связан с мотивом родового места, местом происхождения человеческого рода. Каждый переступающий порог дома Медеи соблюдал его строгие, хотя и «необъяснимые», законы (не ходить за водой после наступления темноты, не входить в комнату Медеи и др.).

Образную составляющую концепта «семья» представляют также метафоры и другие элементы поэтики художественного произведения: сравнение «Не семья, а сумасшедший дом!», метафоры «семейный треугольник», «семейная машина», «семейство глиняных горшков всех размеров», «семейство духовых», «семейная музыкальная шкатулка», «семейная линия», «семейное логовище», «общесемейное расписание»; когнитивные метафоры: «семейное крушение», «семейные уроки», «семейные встряски».

Значимостная составляющая концепта «семья» несет в себе внутрисистемную и прагматическую информацию. В 25 контекстах концепт «семья» является объектом действия членов семьи. В 10 контекстах концепт «семья» имеет функцию определительного дополнения при субъекте, тем самым подтверждается, что принадлежность к семье является качественным признаком субъекта. В 26 контекстах он употребляется в качестве релятивного дополнения (подтверждает хронотопичность семьи). В 17 контекстах семья выступает как субъект действия по перемещению/нахождению в пространстве, а в 7 контекстах производит действие по значению «чувствовать», «функционировать в быту».

Традиционным синонимом слова «семья» в идиоконцептосфере писателя является «семейство». Прилагательное «семейное» в словосочетании «семейное счастье» контекстуально синонимично эпитетам «легкое, ненатужное». В текстах произведений Улицкой вербализуются также слова, входящие в концепт «семья», несущие коннотацию. Они включают дополнительные семантические и стилистические элементы. Так, это слова и словосочетания, относящиеся к официально-деловой лексике, («институт семьи») и к разговорной речи (субстантивированное прилагательное «семейная»). Из словообразовательной парадигмы слова наиболее часто встречается доминанта «семья» — имя существительное, реализующееся 105 раз.

Четвертый параграф посвящен третьему базовому концепту идиоконцептосферы — «смерть». Были выявлены дистинктивные

(предметные) и национально-культурные признаки понятия «смерть», входящие в обобщенное представление русского человека о смерти. В результате когнитивной интерпретации языковых единиц, объективирующих исследуемый концепт в текстах Л. Улицкой, была определена признаковая и дефиниционная структура концепта «смерть» в индивидуально-авторской концептосфере: дистинктивные признаки — преждевременное прекращение жизнедеятельности организма (физическая насильственная смерть, гибель): *они хотели ... ее смерти*; смерть как общественно засвидетельствованное явление, требующее исполнения юридических формальностей: *Ранним утром объявили по радио о смерти вождя. К этому времени он был мертв уже несколько дней*; клиническая смерть — состояние между жизнью и смертью: *...врачи, выведившие Сергея из клинической смерти...говорили потом Сергею: «Чудо, Сережа, чудо»*; 8 национально-культурных признаков: прекращение жизнедеятельности организма (естественная физическая смерть): *Смерть была тишейшая*; переход в другой мир: *«Я про ту границу, которая проходит между обычной жизнью и другими разными состояниями, которые мне знакомы, но столь же невозможны для объяснения, как смерть»*; *Смерти нет*; смерть близких как печаль, несчастье, потрясение: *старый генетик ...смертью сорокалетней жены был совершенно сражен*; православный похоронный обряд: *Она все про смерть знала. Как надо. Обмывать, обряжать, оплакивать. Во что одевать, какие молитвы читать, что есть и чего не есть*; смерть как невозполнимая потеря: *После смерти отца, казалось, уже ничего нельзя было потерять*; смерть как явление того же порядка, что и жизнь, противоположное жизни: *«Состояние бессилия и тоски было таким тяжелым, таким противоположным жизни, что я догадалась — это и есть смерть»*; православные поверья: *Как это бывает с праведниками, она знала заранее о дне своей кончины*; смерть как итог жизни, ее логическое завершение: *Бывший высокий партийный чиновник, совершивший свое последнее олимпийское восхождение... до самой своей смерти, вскоре и последовавшей, считал себя благодетелем рода человеческого*; 17 идиокультурных признаков: смерть как часть человека, часть живой плоти: *Как будто смерть всегда скрывается внутри человеческого тела, только сверху прикрытая живой плотью...*; смерть как живая субстанция: *В шестнадцатом году смерть не настолько еще освоилась, как в восемнадцатом*; смерть близких как мера жизни других (хронотопичность): *Вско-*

ре после смерти матери соседка взяла Василису на праздник; есть нечто большее, худшее, чем просто физическая смерть: они хотели не просто ее смерти, а даже большего, худшего, чем смерть; над смертью и жизнью, как явлениями одного порядка, стоит нечто на порядок более важное — так называемая, истина («правда»), смысл жизни и смерти: И вообще, она догадывалась, что все с ней происходящее имеет отношение к ее жизни и смерти, но за этим стоит нечто гораздо более важное, и связано это с готовящимся открытием окончательной правды, которая важнее самой жизни; смерть как судьба, неизбежность: ...он переносил боль, осознанно и бесстрашно приближался к смерти; смерть как событие общественной жизни, при этом социум не испытывает сочувствие к умершим, а занят своими житейскими и правовыми заботами: Смерть Лизы-дворничихи всколыхнула весь крещеный мир по нечетную сторону Новослободской улицы; смерть как загадочное, необъяснимое явление: «Я про ту границу, которая проходит между обычной жизнью и другими разными состояниями, которые мне знакомы, но столь же невозможны для объяснения, как смерть»; смерть как событие в жизни живого человека (чужая смерть), меняющее психику, жизнь, мироощущение, образ жизни: «Это была первая смерть на моих глазах»; смерть как мера человеческого существования, самого человека: Профессору делалось мучительно стыдно за всего себя, от рождения до смерти, с ног до головы, с утра до вечера...; смерть близких как переоценка их качеств: При этом надо заметить, что при жизни Валентина Первая вовсе не казалась ему эталоном, но после ее смерти, по мере течения лет, она становилась в его памяти все более идеальной; смерть и жизнь как воля Бога: И она вспоминала все те многие случаи, когда бог уберег их от ранней смерти; мистика смерти: Место над Яузой, где стоял их дом, издавна считалось нехорошим. Многие жильцы этого дома умирали насильственной смертью, а тесные окна и куцые балкончики притягивали самоубийц; смерть как повод для связи семьи: Телеграммы посылали по трем поводам: дня рождения Медеи, приезда родственников и смерти; выделяются две разные по качеству смерти, противопоставленные третьей: они...знали о мирной кончине, безболезненной и непостыдной, знали и о разбойничьем, незаконном вторжении смерти, когда погибали молодые люди... Но самоубийство было невыносимо и др.

В образную составляющую концепта «смерть» входят метафоры, сравнения, олицетворения, стилистические фигуры и об-

разы, связанные с понятием смерти: метафорическое сравнение *Как будто смерть всегда скрывается внутри человеческого тела, только сверху прикрытая живой плотью...*, сложный метафорический образ клинической смерти и выхода из нее, образное сравнение смерти с местом заключения в контексте *от самой смерти, которая представлялась с тех пор обеим как тесное, темное, смрадное место, где несчастные узники сдавлены и спрессованы до полной неразличимости лиц, конечностей, самых душ...*; ирония в контексте *«Наследников разыскивают. Он что, только после смерти обо мне вспомнил?»*, метафора *разбойничье, незаконное вторжение смерти*, когнитивные метафоры: смерть — «потеря близких», «победить смерть», «приблизиться к смерти».

Значимостная составляющая концепта «смерть» несет в себе внутрисистемную и прагматическую информацию. Часто (в 15 контекстах) «смерть» употребляется как субъект действия (действие-состояние и относительно объекта-человека). В 17 контекстах концепт «смерть» предстает как объект действия, в 30 контекстах — в качестве обстоятельства времени либо релятивного дополнения со значением времени (онтологичность смерти). Наблюдается семантическая зависимость смерти и жизни, рождения и смерти.

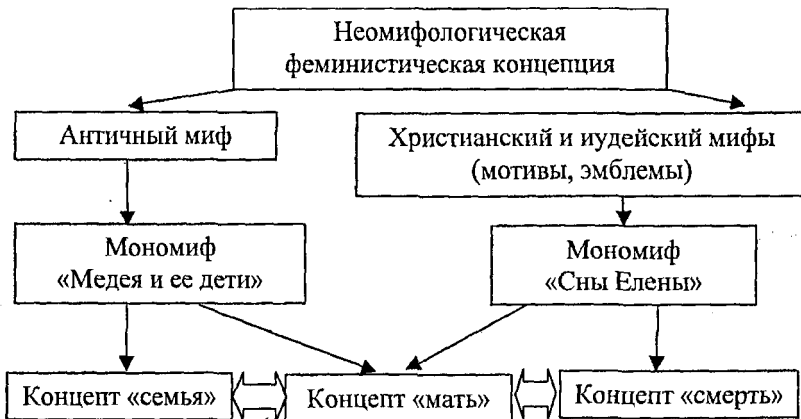
В текстах произведений Л. Улицкой встречаются также коннотативно отмеченные слова и словосочетания, связанные с концептом «смерть». Они включают дополнительные семантические и стилистические элементы. Это слова, относящиеся к официально-деловой лексике («извещение о смерти», «дата смерти», «детская смертность»), устаревшее «сень смертная», просторечие «на-смерть», разговорное экспрессивное «смертельно» и «до полусмерти», из медицинской терминологии — «клиническая смерть»; устойчивые выражения «на миру и смерть красна», «послать на верную смерть», «идти на смерть», «до полусмерти».

Традиционным синонимом, характерным для высокого стиля, является «кончина». Оказиональным синонимом слова «смерть» в контексте *Тогда, в день смерти бабушки, наступил Василисин час. Она все про смерть знала* является слово «обряд» — «похоронный обряд»; в контексте *в десятисантиметровой близости от сдавленной толпы, от самой смерти* — слово «толпа». В идиоконцептосфере писателя, созвучно с русской культурой, слово-концепт «смерть» антонимично религиозному слову «бес-смертие», слово «кончина»okkaзионально антонимично слову «самоубийство». Из словообразовательной парадигмы слова

«смерть» наиболее часто встречается доминанта «смерть» — имя существительное, реализующееся 89 раз.

Таким образом, концепты «мать», «семья», «смерть» в индивидуально-авторской концептосфере Л. Улицкой включают наряду с концептуальными элементами национальной русской культуры (национально-культурные понятийные признаки, традиционные метафоры, узувальные синонимы и антонимы, стилистические и экспрессивные лексические средства) античные (древнегреческие и древнеримские) и религиозные (христианские и иудейские) когнитивные элементы. Между тем в идиоконцептосфере по содержанию и объему преобладают концептуальные элементы, лежащие в рамках индивидуально-авторской концепции мира (идиокультурные понятийные признаки, мономифы, символы, метафоры, художественные сравнения, метафорические коннотации, экспрессия, окказиональные синонимы и антонимы, синтагматические связи слова-имени концепта и стилистические средства, подтверждающие идиокультурные признаки).

В последнем параграфе предложена модель индивидуально-авторской концептосферы Л. Улицкой на фоне национальной концептосферы. Индивидуально-авторская концептосфера Л. Улицкой имеет сложную многоуровневую структуру, элементы которой находятся в отношениях наложения и взаимосвязи. Структуру индивидуально-авторской концептосферы Л. Улицкой можно смоделировать следующим образом:

В заключении диссертации обобщаются итоги исследования. Настоящая работа открывает возможность дальнейшего исследования специфических средств художественной концептуализации, а комплексная методика концептуального анализа индивидуально-авторской концептосферы, разработанная в диссертации, допускает дальнейшее развитие и уточнение, включение новых специфических средств эстетической концептуализации.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, входящих в список ВАК

1. Карелова И. И. Концепт «мать» в идиоконцептосфере Л. Е. Улицкой / И. И. Карелова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2008. — № 10. — С. 18—21 (0,3 п. л.).

*Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

2. Карелова И. И. Понятийная составляющая концепта «родина» в поэзии Ю. П. Кузнецова / И. И. Карелова // Первые литературные Кузнецовские чтения: материалы. — Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. — С. 36—38 (0,15 п. л.).

3. Карелова И. И. Введение в проблему искусственного построения и деконструкции концепта: теоретическое обоснование и практический аспект / И. И. Карелова // Прогрессивные технологии в обучении и производстве: материалы IV Всерос. конф. г. Камышин, 18—20 окт. 2006 г.: в 4 т. — Волгоград, 2006. — Т. 3. — С. 83—87 (0,3 п. л.).

4. Карелова И. И. Особенности семантики общих понятий (культурных универсалий) / И. И. Карелова // Актуальные социально-педагогические проблемы Черноморской зоны Краснодарского края и пути их решения: материалы науч.-практ. конф., 26—27 апр. — Анапа, 2007. — С. 64—71 (0,4 п. л.).

5. Карелова И. И. Отражение процесса культурной глобализации в концептуальной сфере языка / И. И. Карелова // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. ст., посвящ. 30-летию юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: КемГУ, 2008. — С. 187—191 (0,4 п. л.).

6. Карелова И. И. Концепт «семья» в идиоконцептосфере Л. Е. Улицкой на фоне «наивной картины мира» / И. И. Карелова // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии: материалы III межрегион. науч. семинара молодых учёных. г. Армавир, 27—31 окт. 2008 г. — Армавир: АГПУ, 2008. — Вып. III. — С. 40—43 (0,3 п. л.).

КАРЕЛОВА Ирина Игоревна
НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА
И ИДИОКОНЦЕПТОСФЕРА
(на материале произведений Л. Е. Улицкой)

А в т о р е ф е р а т

Подписано к печати 14.05.2009 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,2. Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 110 экз. Заказ 266.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27